

Исследовательская работа по теме «Путешествие писателя А.С. Суворина с А.П. Чеховым по Сахалину».

Моя исследовательская работа по монографии писателя А.С. Суворина, в которой я постаралась глубже изучить - визит А.П. Чехова на Сахалина, его цели, а также более углубленное изучение Чеховым таких вопросов, как: состояние каторжан, политические заключённые, перепись, сахалинские школы. Данный материал рекомендую использовать на уроках истории и краеведения родного края.

«Путешествие писателя А.С. Суворина с А.П. Чеховым по Сахалину».

« Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине, и какие, там свиньи, то мне стало легко, и работа моя закипела, хотя и вышла немножко юмористической».

А. П. Чехов – А.С. Суворину. 28 июля 1893 г.

Содержание.

1. Приезд писателя. Цель путешествия.
2. Состояние каторжан.
3. Политические заключённые.
4. Перепись.
5. Сахалинские школы.

1. 21 апреля 1890 года А.П. Чехов с удостоверением корреспондента газеты «Новое время» выехал из Москвы на Сахалин. Поездка через всю Россию заняла почти три месяца и оказалась невероятно трудной для уже больного в то время туберкулезом писателя. Все «конно-лошадиное странствие», как называл его писатель, составило четыре с половиной тысячи верст.

К этой поездке побудило писателя, во-первых, чувство моральной ответственности за те беззакония, которые творились на Руси, стремление помочь людям, забытым обществом. «Сахалин -- это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек, вольный и подневольный».

Во-вторых, Чехов желал изучить свою родину, познать жизнь народа. Именно это заставило его выбрать трудный в условиях того времени маршрут, путешествие по которому граничило с подвигом.

А.П. Чехову был также выдан документ, разрешавший ему путешествие по всему острову. «Удостоверение. Дано сие от начальника острова Сахалин лекарю Антону Павловичу Чехову в том, что ему, г. Чехову, разрешается собирание разных статистических сведений и материалов, необходимых для литературной работы об устройстве на острове Сахалине каторги. Начальникам округов предлагаю оказывать г. Чехову для означенной цели при посещении им тюрем и поселений законное содействие, а в случае надобности предоставлять г. Чехову возможность делать разные извлечения из официальных документов. В чем подписом и приложением казенной печати удостоверяем, июля 30 дня 1890 года, пост Александровский. Начальник острова генерал-майор Кононович. Правитель канцелярии И. Вологдин. Вр. и.д. делопроизводителя Андреев».

С этим документом Чехов обследовал самые отдаленные тюрьмы и поселения острова. «Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжан и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной», — писал А.П. Чехов издателю А.С. Суворину 11 сентября 1890 года.

В пост Александровский на Сахалине А.П. Чехов прибыл 11 июля 1890 года.

1. «Я буду с вами совершенно откровенен..., приехал я на Сахалин на свой, как говорится, страх и риск, не как писатель, а как врач, и цель моя – изучить быт тюрем и поселений в медицинском санаторном отношении, с тем чтобы написать учёную диссертацию. Все, о чем я прошу вас... - разрешить мне посещение тюрьмы., т.к. меня интересует быт всей колонии»».

«Я намерен изучить жизнь, быт каторжан, их болезни и написать сто-двести страниц учёной диссертации. Вот эта самая диссертация и есть цель моей поездки».

«Антон Павлович взял ближний кусок, нет, не хлеба чего-то мокрого, осклизлого, тяжёлого... Разломил – бурая масса на изломе отсвечивала мельчайшей водяной пылью, пахла отвратительной затхлостью. А та тепловатая, мутная пересоленная бурда, что именуется «рыбным супом»? А баланда с мучной подболткой, в которой плавают редкие кусочки жиловатой говядины – праздник: сдох, значит, рабочий вол, или медведь корову задрал у поселенца, и тот поспешил продать казне вонючий труп для тюремного котла... Если чиновник говорит, что он питался арестантской пищей и чувствовал себя прекрасно, то это означает, что в тюрьме для него готовили особо».

Антон Павлович испытывал злость и стыд, когда просматривал так называемые «Правдивые книги» - в которых заносятся обращения в лазарет, с чудовищными, анекдотическими диагнозами; как «неумеренное питье из груди, неразвитость к жизни, душевная болезнь сердца, внутреннее истощение или воспаление тела? А когда вскрывал нарыв на шее у мальчика? Скальпели тупые, ни карболки, ни шариков ваты, ни зондов. Даже порядочных ножниц и таза нет, чистой воды нет, не говоря уже о спирте, два термометра и то разбитые. Жалоб от больных не было, надзиратели запретили арестантам».

«В Александровской ссыльнокааторжной тюрьме я был вскоре после приезда.

Двери у всех корпусов открыты настежь.

— Смирно! Встать! — раздается крик надзирателя.

Входим в камеру. Помещение на вид просторное, вместимостью около 200 куб. сажен. Много света, окна открыты. Стены некрашенные, занозистые, с паклею между бревен, темные; белы одни только голландские печи. Пол деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по середине ее тянется одна сплошная пара, со скатом на обе стороны, так что каторжные спят в два ряда, причем головы одного ряда обращены к головам другого. Места для каторжных не нумерованы, ничем не отделены одно от другого, и потому на нарах можно поместить 70 человек и 170. Постелей совсем нет. Спят на жестком или подстилают под себя старые драные мешки, свою одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на вид. На нарах лежат шапки, обувь, кусочки хлеба, пустые бутылки из-под молока, заткнутые бумажкой или тряпочкой, сапожные колодки; под нарами сундучки, грязные мешки, узлы, инструменты и разная ветошь. На стенах одежда, котелки, инструменты, на полках чайники, хлеб, ящички с чем-то.

Оборванные, невытые, в кандалах, в безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинает зарастать. Все они отощали и словно облезли, но глядят бодро. Постелей нет, спят на голых нарах. Один просит, чтобы его отпустили, и клянется, что уж больше не будет бегать; другой просит, чтобы сняли с него кандалы; третий жалуется, что ему дают мало хлеба.

В хорошую теплую погоду, которая здесь бывает не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь, и арестанты большую часть дня проводят на дворе или далеко вне тюрьмы. Зимой же и в дурную погоду, то есть в среднем почти 10 месяцев в году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственничный и еловый лес, из которого сделаны тюрьма и ее фундамент, представляет хорошую естественную вентиляцию, но ненадежную; вследствие большой влажности сахалинского воздуха и изобилия дождей, а также испарений, идущих изнутри, в порах дерева скопляется вода, которая зимой замерзает. Тюрьма

вентируется слабо, а между тем на каждого ее обитателя приходится не много воздуха.

С работ, производимых чаще в ненастную погоду, каторжный возвращается в тюрьму на ночлег в промокшем платье и в грязной обуви; просушиться ему негде; часть одежды развешивает он около нар, другую, не дав ей просохнуть, подстилает под себя вместо постели. Тулуп его издает запах овчины, обувь пахнет кожей и дегтем. Его белье, пропитанное насквозь кожными отделениями, не просушенное и давно не мытое, перемешанное со старыми мешками и гниющими обносками, его портянки с удушливым запахом пота, сам он, давно не бывший в бане, полный вшей, курящий дешевый табак, постоянно страдающий метеоризмом; его хлеб, мясо, соленая рыба, которую он часто вялит тут же в тюрьме, крошки, кусочки, косточки, остатки щей в котелке; клопы, которых он давит пальцами тут же на нарах, — всё это делает казарменный воздух вонючим, промозглым, кислым; он насыщается водяными парами до крайней степени, так что во время сильных морозов окна к утру покрываются изнутри слоем льда и в казарме становится темно; сероводород, аммиачные и всякие другие соединения мешаются в воздухе с водяными парами и происходит то самое, от чего, по словам надзирателей, «душу воротит».

Общая камера не дает преступнику одиночества, необходимого ему хотя бы для молитвы, для размышлений и того углубления в самого себя, которое считают для него обязательным все сторонники исправительных целей. Свирепая картежная игра с разрешения подкупленных надзирателей, ругань, смех, болтовня, хлопанье дверями, а в кандалной звон оков, продолжающиеся всю ночь, мешают утомленному рабочему спать, раздражают его, что, конечно, не остается без дурного влияния на его питание и психику. Стадная сарайная жизнь с ее грубыми развлечениями, с неизбежным воздействием дурных на хороших, как это давно уже признано, действует на нравственность преступника самым растлевающим образом. В общих камерах приходится терпеть и оправдывать такие безобразные явления, как ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество. Последнее находит здесь выражение в так называемых майданах, перешедших сюда из Сибири. Арестант, имеющий и любящий деньги и пришедший из-за них на каторгу, кулак, скопидом и мошенник, берет на откуп у товарищей-каторжных право монопольной торговли в казарме, и если место бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая в пользу арестантов, может простираться даже до нескольких сотен рублей в год. Летом 1890 г., при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных, но в тюрьме жило только около 900. Вот цифры, взятые наудачу: в начале лета, 3 мая 1890 г., довольствовались из котла и ночевало в тюрьме 1 279, в конце лета, 29 сентября, 675 человек. Что касается каторжных работ, производимых в самом Александровске, то здесь приходится наблюдать, главным образом, строительные и всякие хозяйственные работы: возведение новых построек, ремонт старых, содержание на городской манер улиц, площадей и проч.

Самыми тяжкими считаются плотницкие работы. Арестант, бывший на родине плотником, несет здесь настоящую каторгу, и в этом отношении он гораздо несчастливее маляра или кровельщика. Вся тягость работы не в самой постройке, а в том, что каждое бревно, идущее в дело, каторжный должен притащить из леса, а рубка в настоящее время производится за 8 верст от поста. Летом люди, запряженные в бревно в пол-аршина и толще, а в длину в несколько сажен, производят тяжелое впечатление; выражение их лиц страдальческое, особенно если они, как это я часто наблюдал, уроженцы Кавказа. Зимой же, говорят, они отмораживают себе руки и ноги и часто даже замерзают, не дотащив бревна до поста. Для администрации плотницкие работы представляются тоже нелегкими, потому что людей, способных на систематический тяжкий труд люди терпят ненужные мучения. Однажды во время выгрузки парохода я слышал, как смотритель тюрьмы сказал: «У меня люди целый день не ели».

Все чиновники, даже не имеющие никакого отношения к тюремному ведомству (например, начальник почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашнего обихода в самых широких размерах, причем жалованья этой прислуге они не платили, и кормилась она на счет казны.

Отдача каторжных в услужение частным лицам находится в полном противоречии со взглядом законодателя на наказание: это — не каторга, а крепостничество, так как каторжный служит не государству, а лицу, которому нет никакого дела до исправительных целей или до идеи равномерности наказания; он — не ссыльнокаторжный, а раб, зависящий от воли барина и его семьи, угождающий их прихотям, участвующий в кухонных дразгах.

1. « Дело в том, что... ни в коем случае не допустить какого-либо общения господина Чехова с моими политическими, а как это сделать ума не приложу» - Начальник каторги.

Был он чернобород, глаза расставлены широко, пристально: «Меня зовут Александр Иванович. Мы очень нуждаемся в вашей помощи. «Народная воля» разгромлена. От Петропавловки ... и Сахалина рассеяны по тюрьмам наши товарищи. Но движение - живёт. Уцелели, ушли в подполье – немногие. Найти друг друга, связаться – это сегодня для нас самое главное. Мы лишены права переписки. А связь нам нужна, как воздух! Мы задыхаемся, не зная, что происходит там в России. Мы здесь, как в паровой угольной яме, глохнем, слепнем ... Чтобы выжить, не сойти с ума, ... - нам нужна отдушина, кусочек синего неба... Помогите нам!

– Хорошо. Говорите, что я должен сделать.

- Провезти в Россию наши письма. Нелегально.

- Давайте письма».

1. « - Один из главных методов медицины и санитарии – статистика... - Я хотел бы, если мне будет разрешено, произвести перепись сахалинского населения, так как никто никогда такой переписи не делал, а чтобы научно обосновать нужды сахалинцев, она необходима». «Здесь моё Отечество. Служить ему по мере сил считаю своим долгом русского человека».

Карточки, по специальному заказу писателя, были напечатаны в небольшой типографии при местном полицейском управлении в посту Александровском.

Опросные листы по переписи населения о. Сахалин, составленные и заполненные А.П. Чеховым. Для статистики карточки женщин перечеркивались красным карандашом.

В течение трех месяцев и двух дней пребывания на острове А.П. Чехов вел напряженную работу, изучая жизнь каторжан и поселенцев, а заодно быт и нравы местных чиновников. Он в одиночку предпринял перепись ссыльно-каторжного населения, заполнив при этом около 10000 карточек. Об этом подвиге Антона Павловича писатель Михаил Шолохов сказал: «Чехов, даже будучи тяжело больным, нашел в себе силы и, движимый огромной любовью к людям и профессиональной писательской настоящей любознательностью, все же съездил на Сахалин».

«Чтобы побывать по возможности во всех населенных местах и познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных, я прибегнул к приему, который в моем положении казался мне единственным. Я сделал перепись. В селениях, где я был, я обошел все избы и записал хозяев, членов их семей, жильцов и работников. Чтобы облегчить мой труд и сократить время, мне любезно предлагали помощников, но так как, делая перепись, я имел главной целью не результаты ее, а те впечатления, которые дает самый процесс переписи, то я пользовался чужою помощью только в очень редких случаях. Эту работу, произведенную в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты ее не могут отличаться точностью и полнотой, но, за неимением более серьезных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которые были напечатаны для меня в типографии при полицейском управлении. Самый процесс переписи заключался в следующем. Прежде всего, на каждой карточке в первой строке я отмечал название поста или селения. Во второй строке: номер дома по казенной подворной описи. Затем, в третьей строке, звание записываемого: каторжный, поселенец, крестьянин из ссыльных, свободного состояния. Свободных я записывал только в тех случаях, если они принимали непосредственное участие в хозяйстве ссыльного, например, состояли с ним

в браке, законном или незаконном, и вообще принадлежали к семье его или проживали в его избе в качестве работника или жильца и т. п. Званию в сахалинском обиходе придается большое значение. Каторжного, несомненно, стесняет его звание; на вопрос, какого он звания, он отвечает: "рабочий". Если же до каторги он был солдатом, то непременно добавляет еще к этому: "из солдат, ваше высокоблагородие". Отбыв или, как сам он выражается, отслужив свой срок, он становится поселенцем. Это новое звание не считается низким уже потому, что слово "поселенец" мало чем отличается от поселянина, не говоря уже о правах, какие сопряжены с этим званием. На вопрос, кто он, поселенец обыкновенно отвечает так: "вольный". Через десять, а при благоприятных условиях, оговоренных в уставе о ссыльных, через шесть лет поселенец получает звание крестьянина из ссыльных. На вопрос, какого он звания, крестьянин отвечает не без достоинства, как будто уж не может идти в счет с прочими и отличается от них чем-то особенным: "Я крестьянин". Но без прибавки "из ссыльных". Я не спрашивал ссыльных о прежнем их звании, так как по этому пункту в канцеляриях имеется достаточно сведений. Сами они, кроме солдат, ни мещане, ни купцы, ни духовные, не распространяются насчет своего утерянного звания, как будто оно уже забыто, а называют свое прежнее состояние коротко - волей. Если кто заводит разговор о своем прошлом, то обыкновенно начинает так: "Когда я жил на воле..." и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилия. Насчет имен могу только вспомнить, что я, кажется, не записал правильно ни одного женского татарского имени. В татарской семье, где много девочек, а отец и мать едва понимают по-русски, трудно добиться толку и приходится записывать наугад. И в казенных бумагах татарские имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русский мужичок на вопрос, как его зовут, отвечает не шутя: "Карл". Это бродяга, который по дороге сменился именем с каким-то немцем. Таких, помнится, записано мною двое: Карл Лангер и Карл Карлов. Есть каторжный, которого зовут Наполеоном. Есть женщина-бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилий, то по какой-то странной случайности на Сахалине много Богдановых и Беспаловых. Много курьезных фамилий: Шкандыба, Желудок, Безбожный, Зевака. Татарские фамилии, как мне говорили, сохраняют и на Сахалине, несмотря на лишение всех прав состояния, приставки и частицы, означающие высокие звания и титулы. Насколько это верно, не знаю, но ханов, султанов и оглы записал я немало. У бродяг самое употребительное имя Иван, а фамилия Непомнящий. Вот несколько бродяжеских прозвищ: Мустафа Непомнящий, Василий Безотечества, Франц Непомнящий, Иван Непомнящий 20 лет, Яков Беспровзвания, бродяга Иван 35 лет*, Человек Неизвестного Звания.

* Это число составляет часть фамилии. В действительности ему 48 лет.

В этой же строке я отмечал отношения записываемого к хозяину: жена, сын, сожительница, работник, жилец, сын жильца и т. д. Записывая детей, я

отличал законно- и незаконнорожденных, родных и приемных. Кстати сказать, приемыши часто встречаются на Сахалине, и мне приходилось записывать не только приемных детей, но и приемных отцов. Многие из живущих в избах относятся к хозяевам как совладельцы или половинщики. В обоих северных округах на одном участке сидят по два и даже по три владельца, и так - больше, чем в половине хозяйств; поселенец садится на участок, строит дом и обзаводится хозяйством, а через два-три года ему сажают совладельца или же один участок дают сразу двум поселенцам. Это происходит от нежеланья и неуменья администрации приискивать новые места для поселений. Бывает и так, что отбывший каторгу просит, чтобы ему позволили поселиться в таком посту или селении, где усадебных мест уже нет, и его поневоле приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладельцев особенно увеличивается после объявления высочайших манифестов, когда администрация бывает вынуждена приискивать места сразу для нескольких сотен душ.

Пятая строка: возраст. Женщины, которым уже за сорок, плохо помнят свои лета и отвечают на вопрос, подумав. Армяне из Эриванской губ совсем не знают своего возраста. Один из них ответил мне так: "Может, тридцать, а может, уже и пятьдесят". В таких случаях приходилось определять возраст приблизительно, на глаз, и потом проверять по статейному списку. Молодежь 15 лет и постарше обыкновенно убавляет свои лета. Иная уже невеста или давно уже занимается проституцией, а всё еще 13 - 14 лет. Дело в том, что дети и подростки в беднейших семьях получают от казны кормовые, которые выдаются только до 15 лет, и тут молодых людей и их родителей простой расчет побуждает говорить неправду.

Шестая строка относилась к вероисповеданию.

Седьмая: где родился? На этот вопрос мне отвечали без малейшего затруднения, и только бродяги отвечали каким-нибудь острожным каламбуром или "не помню". Девушка Наталья Непомнящая, когда я спросил ее, какой она губернии, сказала мне: "Всех понемножку". Земляки заметно держатся друг друга, вместе ведут компанию, и, коли бегут, то тоже вместе; туляк предпочитает идти в совладельцы к туляку, бакинец к бакинцу. По-видимому, существуют землячества. Когда случалось спрашивать про отсутствующего, то земляки давали о нем самые подробные сведения.

Восьмая строка: с какого года на Сахалине? Редкий сахалинец отвечал на этот вопрос сразу, без напряжения. Год прибытия на Сахалин - год страшного несчастья, а между тем его не знают или не помнят. Спрашиваешь каторжную бабу, в каком году ее привезли на Сахалин, а она отвечает вяло, не думая: "Кто ж его знает? Должно, в 83-м". Вмешивается муж или сожитель: "Ну, что зря языком болтать? Ты пришла в 85-м". - "Может, и в 85-м", - соглашается она со вздохом. Начинаем считать, и мужик выходит прав. Мужчины не так туги, как бабы, но и они дают ответ не сразу, а подумав и поговорив.

- Тебя в каком году пригнали на Сахалин? - спрашиваю я поселенца.

- Я одного сплава с Гладким, - говорит он неуверенно, поглядывая на товарищей.

Гладкий первого сплава, а первый сплав, то есть первый "Доброволец", пришел на Сахалин в 1879 г. Так и записываю. Или бывает такой ответ: "В каторге я пробыл шесть лет, да вот в поселенцах уж третий год... Вот и считайте". - "Значит, ты на Сахалине уже девятый год?" - "Никак нет. До Сахалина я еще в центральном отсидел два года". И т. д. Или такой ответ: "Я пришел в тот год, когда Дербина убили". Или: "Тогда Мицуль помер". Для меня было особенно важно получать верные ответы от тех, которые пришли сюда в шестидесятых и семидесятых годах; мне хотелось не пропустить ни одного из них, что, по всей вероятности, не удалось мне. Сколько уцелело из тех, которые пришли сюда 20 - 25 лет назад? - вопрос, можно сказать, роковой для сахалинской колонизации.

В девятой строке я записывал главное занятие и ремесло.

В десятой - грамотность. Обыкновенно вопрос предлагают в такой форме: "Знаешь ли грамоте?" - я же спрашивал так: "Умеешь ли читать?" - и это во многих случаях спасало меня от неверных ответов, потому что крестьяне, не пишущие и умеющие разбирать только по-печатному, называют себя неграмотными. Есть и такие, которые из скромности прикидываются невеждами. "Где уж нам? Какая наша грамота?" - и лишь при повторении вопроса говорят: "Разбирал когда-то по-печатному, да теперь, знать, забыл. Народ мы темный, одно слово - мужики". Неграмотными называют себя также плохо видящие глазами и слепые.

Одиннадцатая относилась к семейному состоянию: женат, вдов, холост? Если женат, то где: на родине, на Сахалине? Слова "женат, вдов, холост" на Сахалине еще не определяют семейного положения; здесь очень часто женатые бывают обречены на одинокую безбрачную жизнь, так как супруги их живут на родине и не дают им развода, а холостые и вдовы живут семейно и имеют по полдюжине детей; поэтому ведущих холостую жизнь не формально, а на самом деле, хотя бы они значились женатыми, я считал не лишним отмечать словом "одинок". Нигде в другом месте России незаконный брак не имеет такого широкого и гласного распространения и нигде он не облечен в такую оригинальную форму, как на Сахалине. Незаконное, или, как называют здесь, свободное, сожительство не встречает себе противников ни в начальстве, ни в духовенстве, а, наоборот, поощряется и санкционируется. Есть поселения, где не встретишь ни одного законного сожительства. Свободные пары составляют хозяйства на тех же основаниях, как и законные; они рожают для колонии детей, а потому нет причин при регистрации создавать для них особые правила.

Наконец, двенадцатая строка: получает ли пособие от казны? Из ответов на этот вопрос я хотел выяснить, какая часть населения не в состоянии обойтись без материальной поддержки от казны, или, другими словами, кто

кормит колонию: она сама себя или казна? Пособие от казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получают все каторжные, поселенцы в первые годы по отбытии каторги, богадельщики и дети беднейших семей. Кроме этих официально признанных пенсионеров, я отметил живущими на счет казны также и тех ссыльных, которые получают от нее жалованье за разные услуги, например: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но ответ получился неполный. Кроме обычных пайков, кормовых и жалований, в широких размерах практикуется еще выдача таких пособий, которые невозможно отметить на карточках, например: пособие при вступлении в брак, покупка у поселенцев зерна по умышленно дорогой цене, а главное, выдача семян, скота и пр. в долг. Иной поселенец должен в казну несколько сот рублей и никогда их не отдаст, но я поневоле должен был записать его не получающим пособия.

Каждую женскую карточку я перечеркивал вдоль красным карандашом и нахожу, что это удобнее, чем иметь особую рубрику для отметки пола. Я записывал только наличных членов семьи; если мне говорили, что старший сын уехал во Владивосток на заработки, а второй служит в селении Рыковском в работниках, то я первого не записывал вовсе, а второго заносил на карточку в месте его жительства.

Я ходил из избы в избу один; иногда сопровождал меня какой-нибудь каторжный или поселенец, бравший на себя от скуки роль проводника. Иногда за мной или на некотором расстоянии следовал, как тень, надзиратель с револьвером. Это посылали его на случай, если я потребую каких-нибудь разъяснений. Когда я обращался к нему с каким-нибудь вопросом, то лоб у него мгновенно покрывался потом и он отвечал: "Не могу знать, ваше высокоблагородие!" Обыкновенно спутник мой, босой и без шапки, с моею чернильницей в руках, забегал вперед, шумно отворял дверь и в сенях успевал что-то шепнуть хозяину - вероятно, свои предположения насчет моей переписи. Я входил в избу. На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил - сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего - это небольшой сруб, аршин в шесть, двух- или трехконный, без всяких наружных украшений, крытый соломой, корьем и редко тесом. Двора обыкновенно нет. Возле ни одного деревца. Сарайшко или банька на сибирский манер встречаются редко. Если есть собаки, то вялые, не злые, которые, как я говорил уже, лают на одних только гиляков, вероятно, потому, что те носят обувь из собачьей шкуры. И почему-то эти смиренные, безобидные собаки на привязи. Если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу.

- Зачем это у тебя собака и петух привязаны? - спрашиваю хозяина.

- У нас на Сахалине все на цепи, - острит он в ответ. - Земля уж такая.

1. Состояние школ «крайне неудовлетворительно...», полное отсутствие учебных пособий и книг... Несоответствующие назначению

учителя. Из учебного округа прошу учебников, школьных пособий и образовательных книг. Возбуждаю вопрос об учителях. Все они, за редким исключением, не соответствуют назначению».

«Чтобы родились будущие Кулибины и Эдисоны, поставим образцово сахалинские школы. Присылайте с ближайшим «Добровольцем» школьные программы, учебники, образовательные книги и учебные пособия. Выпишем лучших учителей, я приглашу своего брата. Да что там Ивана, ...сам учителем здесь останусь!... – На Сахалине, как мне известно, есть люди образованные, готовые учительствовать без всякого вознаграждения... С ближайшей почтой запрошу о возможности пригласить учителей из России. Буду просить кредитов на ремонт и расширение школьных помещений. Мне известно, что детишки здесь много болеют, случается голодают, вдоволь хлеба не видят, а детям уверяю... ,как врач, гораздо важнее расти в тепле и сытости».

Татьяна Илларионовна Александрина, учительница Рыковской школы: «Если бы вы знали Антон Павлович, что за отрада сердцу, что за радость – мои ученики! Голодны, оборваны, звон кандалов их колыбельная, но вижу, как в зловонной этой грязи не вянут их чистые души, ясным светом загораются глаза – и нет для меня счастья выше, награды дороже! Мне бы только моих детишек выучить, школу поставить».

Антон Павлович: «Народная школа не только на Сахалине, во всей России убога и нища..., а как нужен русской деревне хороший, умный и образованный учитель! Нужно, чтобы он был первым человеком в деревне, чтобы мужики признавали в нем силу. Нельзя, унижать его личность, как это делают у нас все: урядник, богатый лавочник... - все, кому не лень ».

Заключение.

Своей литературно-публицистической деятельностью Чехов являет высокий пример журналиста, патриота и демократа, отдавшего талант на службу народу. Многие его произведения вошли в золотой фонд русской публицистики.

Но Чехов видел и оценил героизм труда сибиряков, их высокие моральные качества. В путевых очерках «По Сибири» и в письмах он не раз восклицал: «Какие хорошие люди!» «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!». Чехов любовался могучими сибирскими реками, суровой тайгой -- богатой природой сибирского края. Все виденное вселяло в него гордость за свою родину, уверенность в лучшем будущем народа. «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

В этой поездке, предпринятой на свой страх и риск, Чехов показал лучшие качества журналиста. Он был настойчив в достижении поставленной цели, проявил смелость, большую внутреннюю собранность, наблюдательность, строгость в отборе фактов.